УДК 821.113.6
5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

И.В. Романовская
Петрозаводский государственный университет

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ М. НИЕМИ «ДАМБА»

В статье представлен анализ эсхатологических мотивов в романе шведского и турнедальско-финского автора М. Ниеми «Дамба», которые сочетают в себе представления о конце света, исходе человечества, поиске смысла жизни и неизбежности перемен. Рассматривается онтологическое, глобально космическое, нравственно-этическое, идейно-религиозное и аксиологическое содержание мотивов. Доказывается, что они содержат в себе глубокое философско-религиозное основание анализа человеческой природы и взаимодействия с окружающим миром.

М. Ниеми, «Дамба», эсхатологический мотив, Эсхатологический Север, шведская литература, библейский подтекст.

Эсхатология – это многогранное учение о конечной судьбе мира, конце истории. В ее основе лежит представление о том, что история как мира, так и человечества подходит к своему логическому завершению. В современном мире эсхатологическая проблематика получила многостороннее раскрытие в научной литературе. Как отмечает Р.С. Гранин, публикуются «труды по библейской герменевтике и библеистике, произведения философов-экзистенциалистов, работы по философской антропологии, философии истории, истории религий, культурологии» [5, с. 5–6]. Эсхатологическая проблематика находится в фокусе внимания в том числе литературоведов, что подтверждают исследования Е.И. Зелинской [8], А.В. Дехтяренок [6], О.Г. Абрамовой и И.В. Сухоцкой [1], И.Л. Бражникова [3], Е.Н. Вагнер [4], С.О. Егоровой [7] и других. В филологии эсхатологические исследования касаются преимущественно современной, постмодернистской литературы, с особым интересом рассматриваются мотивы смерти в произведениях национальных литератур.

В гуманитарной науке разрабатывается понятие ***Эсхатологического Севера***, включающее в себя семантические значения места ссылки христиан, убежища, чудес. А.М. Прилуцкий [11], анализируя семиотику и семантику Севера, включает в содержание концепта также такой важный аспект, как место войн и катастроф и отмечает, что «данная тема <катастроф> в дискурсе развита относительно слабо» [11, с. 148]. Важнейшая роль в понимании семантического наполнения концепта *Эсхатологического Севера* отводится роману шведского и турнедальско-финского писателя М. Ниеми «Дамба» [10] (2012 г.). В произведении автор представляет символический и сюжетно-образный вариант эсхатологии: Ниеми описывает разрушительное по своему масштабу наводнение на севере Швеции, в провинции Норрботтен. С точки зрения жанрового определения, роман выглядит как роман-катастрофа или эко-триллер.

«Дамба» (шведское название романа – «Fallvatten» [13]) – пожалуй, единственное произведение Ниеми, в котором эсхатологические и апокалиптические настроения и ощущения доведены до предела. На протяжении всего творческого пути автор экспериментирует с разными жанрами и сюжетами произведений: Ниеми начал свое творчество с поэтических сборников «Кровь из носа во время мессы» (1988) и «Ангелы и винтовки Маузера» (1987), продолжил подростково-юношескими романами «Церковный дьявол» (1994) и «Кровопийцы» (1997), имел успех у читателей после написания «турнедальского романа» «Популярная музыка из Виттулы» (2000), далее писал детективы «Мужчина, который умер как лосось» (2006) и «Сварить медведя» (2017). Роман-катастрофа в этом ряду выглядит как новый, интересный авторский эксперимент и одновременно яркое художественное высказывание о том, как человек может встретиться лицом к лицу с глобальной катастрофой. Главный вопрос, интересующий Ниеми, заключается в том, сохранит ли человек в этом столкновении свой морально-нравственный облик.

Роман практически не исследован ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении. Шведские исследователи О.Н. Скове [14] и А. Бергстём [12] интерпретируют произведение с позиции современных и популярных в Европе теорий: экокритицизма, постколониализма и экофеминизма. Отметим, что это единственные в своем роде исследования романа. В отечественной филологии текст не изучен в принципе, хотя в русском переводе книга был опубликована еще в 2021 году, что связано, возможно, со своеобразным негативным восприятием жанра эко-триллера (эко-хоррора) в России.

Эсхатологические мотивы (мотивы смерти, конца света, Судного дня, неизбежности перемен и т.д.) формируют художественную картину мира. Они разворачиваются в настоящем, *здесь и сейчас*, причем приближение конца света идет невероятно быстрыми темпами. Динамичности добавляет кинематографичная композиция романа, где каждая глава с неоконченной историей одного героя продолжается такой же неоконченной историей другого. При смене сюжетных линий эсхатологическое мироощущение константно усиливается, возникает страх не только перед бедствием в целом, но и за судьбу каждого из персонажей.

Стоит отметить, что интерес Ниеми к эсхатологической проблематике обусловлен событиями начала XXI века – наводнениями в Европе, Южной Азии, Америке и Африке. Как отмечает А. Бергстрём, автора сильно впечатлила история, связанная с водохранилищем в Суорве (Suorvadammen): в 1980-х гг. на севере Швеции удалось предотвратить наводнение благодаря рыбакам, обнаружившим брешь в дамбе [12]. Автор, вдохновившись реальными событиями и долго, более десяти лет, вынашивая замысел романа, в итоге выносит на первый план противостояние маленького человека неистовому природному катаклизму.

Вслед за Н.Е. Лихиной, применительно к эсхатологической проблематике, можно выделить несколько уровней [9, с. 66]: онтологический, глобально космический, нравственно-этический, идейно-религиозный, аксиологический.

1. Онтологический. Фабула романа является одновременно фантастической и антиутопической: на севере Швеции продолжительное время идет дождь, который приводит к разливу реки Люлеоэльвен и прорыву дамбы – так смертоносный поток сметает все на своем пути. Ниеми максимально реалистично воссоздает бедствие: перед глазами читателей возникает серая стена воды, несущаяся на героев с невероятной скоростью.

Для повествования наиболее важным является ощущение близости и неизбежности смерти. Мир и человек, созданные Богом, находятся на заключительном этапе существования, которое можно назвать околосмертным, переходным из бытия в небытие. Ниеми изображает энтропийный, разрушающийся мир, поэтому текст изобилует такими эсхатологическими маркерами, как *смерть, мрак, тьма, страх, ужас, хаос* и др. Человеческое существование в представлении автора – уязвимое и хрупкое. На фоне испытания в виде надвигающегося цунами актуализируются онтологические и экзистенциальные аспекты переживания, включая надежды, отчаяния и желания героев. Обнаруживают себя в том числе их страхи и внутренние демоны. В условиях катастрофы, угрожающей жизни, Ниеми дает возможность читателю наглядно увидеть противостояние жизни – смерти, добра – зла, гуманизма – эгоизма.

Сквозь призму катастрофы он словно срывает завесу с «внутреннего я» героев (обычных людей) и наблюдает за тем, какая чаша весов перевесит в ту или иную сторону (гуманная или антигуманная) перед наступлением смерти. Ниеми пишет так: «Интересно наблюдать за людьми и их реакциями в различных ситуациях. Все в принципе ведут себя вежливо и дружелюбно, но когда чувству безопасности людей что-то угрожает, с ними происходит нечто странное: одни становятся героями и приходят на помощь, в то время как другие делают все возможное, чтобы спасти себя самих. Как правильно вести себя в таких обстоятельствах – неизвестно» [15].

2. Глобально космический. Роман строится на основе мифологического и библейского сюжета о Всемирном потопе. На обращение к ветхозаветному тексту указывает один из эпиграфов, в котором Ниеми ссылается на Книгу бытия: «И вот, я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни под небесами: все, что есть на земле, лишится жизни» (Бт 6: 17). В романе схвачена основная сюжетная линия библейского повествования: мощный водный поток направлен на землю за растленность людей. Господь Бог видит греховность мыслей и деяний, наказывает людей за их же развращенность.

Нельзя сказать, что Ниеми строго следует библейскому повествованию, однако он сохраняет некоторые важные составляющие сюжетной схемы: концепцию наводнения, Судного дня, образа Ноя и ковчега, деление людей на «праведников и грешников». Несмотря на то что бедствие локальное (все же оно происходит только в северной Швеции), оно *масштабируется* и *проецируется* на весь земной мир, точно так же, как в Библии[1]. Перед читателем возникает история не столько отдельных личностей, сколько всего человечества (хотя второе не исключает первое), в связи с чем акцентируются вопросы этической и морально-нравственной культуры, норм и антинорм, базовых и важных ценностей и принципов жизни. Сюжет, описанный Ниеми, становится уроком всему человечеству: автор заставляет задуматься о том, как люди относятся к окружающему миру, другим людям и самим себе. В этом смысле Ниеми формулирует в романе три проблемы: первая – воздействие людей на окружающую среду, приведшее к катастрофе; вторая – социальная несправедливость и третья – морально-этический выбор людей в условиях выживания.

3. Нравственно-этический. Для того чтобы подробнее раскрыть нравственно-этический аспект, нужно обратиться к системе персонажей, которая выстроена в романе сложно и запутанно. Руководствуясь принципом равенства всех перед Богом и Судным днем, Ниеми выбирает из общей массы людей отдельные экземпляры (как песчинки из горы песка). Повествуется примерно о 10 разных по статусу, возрасту, профессии героях, их истории раскрываются параллельно друг другу, однако по ходу сюжета между некоторыми из них устанавливается связь.

Большая часть персонажей – отступившие от христианских ценностей люди: мизогинист Барни, пилот Винсент, планирующий самоубийство, Хенни, его супруга, ушедшая к другому мужчине, Лена Сунд, выгоревший и уставший от работы учитель школы, девочка-подросток с психическим расстройством и т.д. В романе создается суммарное ощущение дефектного, деструктивного общества с сильно искаженной или напрочь отсутствующей системой моральных принципов и ценностей.

[1] Любопытно, что одной из причин катастрофы в романе непрямо называется чрезмерная эксплуатация природных ресурсов (ср. «Земля была пренебрегаема и неправильно эксплуатируема согрешившим человеком, который не смог правильно исполнить свою роль в ее управлении» (Бт 1:28). Автор, многократно упоминая название шведской энергетической компании «Ваттенфаль» (оно же, кстати, вынесено в название «Fallvatten» (досл. падающая/текучая вода, однако если переставить местами корни fall и vatten, то vattenfall – это водопад, порог или собственно само название шведского энергоконцерна)), намекает на то, что за катастрофическими последствиями крупномасштабного наводнения стоит алчность людей и их безответственное отношение к природе (как неисчерпаемой базе ресурсов).

Потоп доводит людей до точки разворота, где нужно выбрать между смертью и морально-духовным преображением. По сюжету одни герои справляются со своими проблемами и выживают, другие же терпят экзистенциальный крах. В этом контексте важно упомянуть, что на Землю посылается вода (не какая-либо другая стихия), символизирующая, с одной стороны, хаос, беспорядок, гибель, страдание, движение (приведем в этой связи и второй эпиграф к роману: *И из засады хлынула вода, неся с собой страдания и гибель* (Антти Кекси, баллады, XVII век) и, с другой стороны, смирение, исцеление, очищение. Вода ниспослана на Землю, чтобы смыть все пошлое, грязное, отжитое и оставить место новому, чистому; уничтожив греховный мир и создав на его месте новый – праведный (по подобию обряда крещения, спасая людей от греха и Сатаны). Так, в романе весьма показателен контраст между «нисхождением» и «восхождением»; ничтожным образом жизни, отступлением от Бога и истинных ценностей и следованием за Ним.

4. Идейно-религиозный. Большая часть персонажей романа – безбожники, осознанно или неосознанно пришедшие к отступлению от веры. В произведении им четко противопоставляется Ловиса Лаурин, дочь пилота Винсента и его жены Хенни. Ловису автор сравнивает с библейским персонажем Ноем[2], причем сходство устанавливается по наличию предмета – «ковчега». Во время наводнения Ловиса, будучи беременной, оказалась запертой внутри дома, несшего ее по реке. *Наверняка наполовину заполнен водой – все-таки Йельмар строил его не для морских путешествий. Но пока держится. Ноев ковчег. Ноев ковчег* [10, с. 104].

Подобно Ною Ловиса сохраняет веру в Бога. Из уст героини несколько раз слышны короткие обращенные к Богу молитвы: *Господи, Господи… помоги мне, Господи… помоги мне…* (Там же, с. 105).

В отличие от других персонажей, произносящих имя Бога всуе, для Ловисы молитва – настоящий диалог с Творцом. Как верующий человек она даже сомневается в правильности оформления молитвенного обращения: *И поймала себя на том, что даже мысленно не облекает молитву в слова. Можно ли считать такую молитву молитвой?* (Там же).

В контексте романа вера противопоставлена безверию, духовность – бездуховности, эмпатия – эгоцентризму. Контраст между героями и того более яркий: в то время как окружающие погружены в бездну цинизма, утраты смыслов, Ловиса ищет смысл жизни в Христе, который, к слову, и приведет ее к спасению.

5. Аксиологический. Важный вопрос повествования – это ценностные принципы современного общества. Водный поток лишь только подчеркнул разложение общепринятых культурных норм, раскрыл скрытые, неочевидные и указал на явные проблемы. Очевидно, что в романе представлен кризис ценностей: старое изживает себя, на его место должно прийти нечто новое, более прекрасное. Еще до начала катаклизма читатель может обратить внимание на то, что даже человеческая жизнь перестает иметь значение – об этом свидетельствует намерение одного из персонажей романа совершить самоубийство, однако по мере развития сюжета видно, как герои борются за жизнь – так происходит переосмысление самой ценности жизни. Благодаря водной стихии Ниеми удается показать ценность выживания, вместе с ней сохранения человеческой жизни, здоровья, членов своей семьи и, конечно, детей.

Посланные на людей испытания проверяют на прочность их внутреннюю склонность к добру и злу. Душа человека в моменты отчаяния может выбрать легкий путь жестокости, насилия, мести и эгоизма или сложный путь, обратившись к добру, состраданию, милосердию. Конфликт «добра – зла» в переходный, околосмертный период показывает, на чьей стороне человек – Бога или дьявола, однако сама дихотомия крайне сложна, что подчеркивается цитатой из романа: *Вспомнила картину <…> Женская фигура с весами в руке. На одной чаше – Зло, представленное жабами и змеями. На другой, разумеется, – цветы и фрукты, олицетворяющие Добро. В самом внизу картины, слева пылает адское пламя преисподней, а справа в облака уходит лестница, ведущая к вратам Рая. И туда и сюда выстроились длинные очереди крошечных человеков.*

И что? Художник полагает, можно измерить достоинства человека так просто? Положить на весы и оценить, что перевесит, добро или зло? Или еще проще – нечто вроде лакмусовой бумажки. Сунул в душу и посмотрел, покраснеет или посинеет [10, с. 217–218].

Осмыслению противостояния добра и зла способствуют две сюжетные линии в романе, являющиеся полной противоположностью друг другу.

В романе история Лабана и Лены Сунд в своем акустическом звучании напоминает историю Адама и Евы, однако повествуется она со значительными отступлениями от Священного Писания. Лабан – типичный Нарцисс, змей-искуситель, имеющий успех у женщин. В характере героя Ниеми сплетает черты мужчины и ребенка, наделяя его определенной степенью инфантильности, по облику же уподобляет его Иисусу и таким образом выделяет на фоне остальных героев. Сходство усиливается в одном из эпизодов романа, где Лабан предстает перед художницами в виде «Распятого Христа». Лена Сунд, она же Ева, – немолодая женщина, художница, с явно выраженными психопатическими расстройствами (не может сдерживать гнев, контролировать эмоции), любое действие взбалмошного Лабана выводит ее из равновесия. По мере развития сюжета отношения героев меняются: от восприятия друг друга как матери и сына, противников, зложелателей до партнеров, близких людей, мужчины и женщины. Предвзятое отношение Лены к мужчинам сменяется чувством влюбленности.

Сходство с библейскими персонажами Адамом и Евой неслучайно: оба героя спасены и являются чуть ли не единственными людьми на Земле после наводнения. *Лена чуть не заплакала от этой мысли – как они близки Создателю, только что появившиеся на свет дети! Господь наполнит их содержанием и смыслом, молоком и светом. Всем, что называется жизнью* (Там же, с. 215–216).

Приведенная цитата из романа свидетельствует о том, что они, как новорожденные дети, близки к Богу, пришли в «новый мир» с особым предназначением. По

[2] Это не единственное сравнение образа с Ноем в романе, аналогичное сходство устанавливается с Леной Сунд.

замыслу автора уже после обновления мира они станут родителями нового человека, вероятно, поддерживающего близость к Создателю через любовь и заботу. В своеобразной интерпретации библейского сюжета добро и зло идут рука об руку: в попытке сохранить жизнь обоим Лена совершает грех, однако этот грех позволяет выжить ей самой и зачать ребенка.

Другая история также имеет важное значение для понимания аксиологических ценностей в романе. Барни Лундмарк, сотрудник «Ваттенфаля», становится убийцей по воле случая: зло берет верх над добром. Герой вступает в конфликт с двумя женщинами-гидрологами, который заканчивается смертью одной из них. Борьба Барни с другой, свидетельницей происходящего, напоминает библейский сюжет о Давиде и Голиафе, где сражаются слабый и сильный, Христос и Антихрист. Барни Лундмарк выжил, его спасли от разрушительного наводнения, однако то, что его взгляд по-прежнему остается прикован к тому месту, где находилась вторая девушка, говорит о том, что, несмотря на физическое выживание, он морально и эмоционально побежден и не способен будет двигаться дальше.

В романе автор акцентирует внимание на том, что в аксиологической системе нет абсолютных категорий. Обе эти сюжетные линии показывают сбой в системе ценностей, особенно в отношении людей друг к другу.

Спасение Лены Сунд и Ловисы символизирует надежду на обновление, возможность рождения нового человека. Это не гарантирует духовное возрождение, возвращение к истинным ценностям, помогающим людям наладить гармоничные отношения друг с другом и с окружающим миром, но приближает его.

Таким образом, эсхатологический мотив гибели, конца света и человека в романе разворачивается на нескольких уровнях и пронизывает все художественное полотно. Он включает в себя ощущение неминуемой гибели отдельных персонажей, которое гротескно проецируется на все человечество в целом благодаря религиозно-библейскому сюжету о Всемирном потопе. Ощущается разложение нравственных и культурных норм, отсутствие четких ценностных ориентиров, явное и неявное очищение мира и рождение нового человека. Каждый выбор и каждое действие имеют последствия, как показывает автор, не только для отдельных персонажей романа, но и для всего человечества в целом.

Роман Ниеми – это предостережение, заставляющее задуматься о важности сохранения человечности, моральных ориентиров, приверженности к христианской вере и необходимости внутреннего обновления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, О. Г. Эсхатологические мотивы в повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» / О. Г. Абрамова, И. В. Сухоцкая // Проблемы исторической поэтики. – 2024. – Т. 22, № 3. – С. 286–308.
2. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические [Текст]. – Москва, 1996. – 1321 с.
3. Бражников, И. Л. Живые и мертвые. Эсхатологические мотивы и мифопоэтика повести В. Распутина «Прощание с Матерой» / И. Л. Бражников // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 4. – С. 317–322.
4. Вагнер, Е. Н. Эсхатологический миф в русской постмодернистской литературе / Е. Н. Вагнер // Культура и текст. – 2005. – № 8. – С. 90–98.
5. Гранин, Р. С. Аналитическая эсхатология : монография / Р. С. Гранин. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – 159 с.
6. Дехтяренок, А. В. Эсхатологические мотивы в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» / А. В. Дехтяренок // Проблемы исторической поэтики. – 2008. – Т. 8. – С. 503–513.
7. Егорова, С. О. Эсхатологические смыслы «Мертвых душ» Н. В. Гоголя / С. О. Егорова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4 (117). – С. 140–145.
8. Зелинская, Е. И. Эсхатологические мотивы в романах В. Пелевина / Е. И. Зелинская // Сибирский филологический форум. – 2020. – № 1 (9). – С. 64–69.
9. Лихина, Н. Г. Эсхатологический дискурс современной литературы / Н. Г. Лихина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2006. – № 8. – С. 66–72.
10. Ниеми, М. Дамба : роман / М. Ниеми. – Москва : Фантом Пресс, 2021. – 352 с.
11. Прилуцкий, А. М. Семиотика и семантика концепта «Север» в эсхатологических дискурсах сакральной географии / А. М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 140–151.
12. Bergström, A. Brottet i dammen. En tematisk analys av Mikael Niemis roman Fallvatten ur ett ekokritiskt, ekofeministiskt och postkolonialt perspektiv / A. Bergström. – URL: https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:608848/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 05.07.2025). – Text : electronic.
13. Niemi, M. Fallvatten / M. Niemi. – Stockholm : Piratförlaget, 2012. – 275 s.
14. Skåve, Å. N. Katastrofer vid vatten. Maktstrukturer och tidslager i två svenska Norrlandsromaner / Å. N. Skåve // Tidskrift för litteraturbetenskap. – 2019. – № 49 (1). – S. 51–59. – URL: https://publicera.kb.se/tfl/issue/view/808/28 (дата обращения: 22.08.2025). – Text : electronic.
15. Åström, E. När Suorvadammen brister / E. Åström // Norrbottens kuriren. 2012-06-09. – URL: https://www.kuriren.nu/kultur/kultur-och-noje/artikel/nar-suorvadammen-brister/jvpve67j (дата обращения: 22.08.2025). – Text : electronic.

I.V. Romanovskaya

ESCHATOLOGICAL MOTIVES IN THE NOVEL BY M. NIEMI “FALL WATER”

The article analizes eschatological motives in the novel by the Swedish and Turnedal-Finnish author M. Niemi “Fall water”, which combine the ideas about the end of the world, the outcome of humanity, the search for the meaning of life and the inevitability of change. Ontological, global-cosmic, moral-ethical, ideological-religious and axiological content of the motives is considered. It is proved that they contain a deep philosophical and religious basis for the analysis of human nature and interaction with the outside world.

Mikael Niemi, “Fall Water”, eschatological motive, eschatological North, Swedish literature, biblical subtext.